

УДК 94(470)

МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ ДИЕВ О ФИННО-УГОРСКИХ ЭЛЕМЕНТАХ В КУЛЬТУРЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

© **Софья Геннадьевна ШАРАБАРИНА**

Костромской государственной технологической университет, г. Кострома, Российская Федерация, аспирант кафедры отечественной истории, e-mail: sonya9991@yandex.ru

В статье выявляются и анализируются финно-угорские элементы в культуре Костромского края на материалах работ костромского краеведа Михаила Яковлевича Диева. М.Я. Диев, будучи протоиереем Троице-Сыпанова монастыря г. Нерехты, изучал традиции и этнографию, собирал фольклор Костромского края. В своих трудах М. Диев указывает на сохранение традиций древнего финно-угорского народа меря на территории Костромского края. В статье анализируются элементы финно-угорской культуры, отраженные в переписке М.Я. Диева с И.М. Снегиревым, секретарем Московского общества истории и древностей российских. Сохранение этнических элементов просматривается на материалах свадебного обряда, празднования Никольщины, поклонения языческим богам. По мнению М. Диева, на основе древнего мерянского наречия возник особый язык жителей города Галича Костромского уезда – елтонский (елманский). Сравнивая мерянские традиции, фольклор и язык с мордовскими, М. Диев стремился подчеркнуть родство двух финно-угорских народов.

Ключевые слова: финно-угорские народы; мерянские традиции; свадебный обряд; праздник «Никольщина»; елманский язык.

Михаил Яковлевич Диев – протоиерей, известный археолог и историк. Родился 22 октября 1794 г.; умер 3 февраля 1866 г. Сын священника, воспитанник Костромской духовной семинарии Нерехтского уезда Костромской губернии. Долгие годы он служил протоиереем в Троице-Сыпановом монастыре г. Нерехты и одновременно был законоучителем и наблюдателем преподавания Закона Божия в Нерехтских мужском и женском училищах. Наряду со служебными обязанностями он с большой любовью отдавался научным занятиям по изучению родной старины вообще и костромской в особенности. Из напечатанных трудов Диева главные: «О вирах у россиян X и XI веков» и «Изъяснение некоторых выражений Правды Русской». Более обширные его труды остались ненапечатанными, но сохранились рукописи. Некоторые материалы были опубликованы уже после смерти автора в Трудах Костромского научного общества по изучению местного края [1, 2].

М.Я. Диева на протяжении всего жизненного пути интересовало историческое прошлое Костромского края. Его глубоким убеждением было осознание большого влияния на культуру Костромского края традиций древних финно-угорских народов, заселявших наш край до прихода славян. В 1846 г. выходит в свет одна из первых работ М.Я. Диева, посвященных изучению этно-

графии Костромского края – «Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда».

В ней мы находим интересные этнографические сведения о некоторых мерянских традициях, например, о бытовании кокошников в качестве свадебного головного убора. Диев писал, что в Нерехтском уезде (в первой половине XIX в.) после венчания молодой подавали на блюде кокошник, приговаривая при этом: «Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!» [3].

Современный археолог П.Н. Травкин, исследуя плесские костюмы, дает обоснование названия кокошника и подтверждение его финской основы [4, с. 229-230]. Речь идет о головном уборе, известном и сегодня под своим древнейшим названием – кокошник. Название имеет финское происхождение: «кекко» – «курица», «кокош» – «петух»; старофинский термин применительно к домашним птицам использовался наряду с привычными сегодня русскими как минимум до XVII в., а в поговорках он сохранился и по сей день – подобно тому, как до сих пор используется в провинции термин «кока» (родная сестра матери, крестная). Курица была у финских народов особо почитаемой птицей за ее плодовитость, и такая ассоциативная привязка должна была способствовать выполнению женщиной в обществе ее главной, репродуктивной роли. В финских материалах Верхнего Поволжья, в древних погребениях

и иных археологических комплексах, имеются доказательства наличия кокошников. В непосредственной близости от Плеса их следы обнаружены среди остатков костюма VII века на Алабужском городище [4, с. 34-35].

Многочисленные факты о финно-угорской культуре Костромского края мы находим в переписке М.Я. Диева с И.М. Снегиревым, секретарем Московского общества истории и древностей российских, русским историком, этнографом, фольклористом, археологом, искусствоведом, член-корреспондентом Петербургской Академии наук. И.М. Снегирев оказал весьма сильное влияние на Михаила Яковлевича Диева. Об этом можно судить по их многолетней переписке, которая длилась с 1830 по 1857 гг. Переписка впервые была опубликована в 1909 г. После смерти М.Я. Диева ростовский краевед, также член Общества истории и древностей Российских, А.А. Титов опубликовал значительную часть переписки и воспоминания, написанные Диевым на исходе его жизни [2, с. 64]. Михаил Яковлевич Диев, будучи активным членом Московского общества любителей российской словесности, Московского общества истории и древностей российских, исследователем старины и быта Костромского края, содействовал И.М. Снегиреву в составлении трудов его: «Русские простонародные праздники и свадебные обряды» и «Русские народные пословицы и притчи» [5, с. 48]. Поскольку вся жизнь Михаила Яковлевича прошла на Нерехтском земле, то эта переписка интересна для нас тем, что содержит ценную информацию о характерных нерехтских традициях, обрядах и фольклоре. Она является богатым источником для изучения культуры финно-угорских этносов, проживавших на территории Костромского края. Как известно, издревле территорию Нерехтского уезда населяли финно-угорские племена меря. Описывая современные ему православные праздники и обряды, Диев вскрывает отголоски древнейших форм верований и черты архаических религиозных систем, уходящих корнями в финно-угорские мифологические представления.

Интересным представляется сопоставление М.Я. Диевым нерехтского свадебного обряда с мордовским. Он обращает внимание на неоднократное использование в процессе свадебного обряда шкур животных. Напри-

мер, дружка кладет под жениха и невесту *овчину шерстью вверх*.

Этот ритуал повторяется во время церемонии несколько раз. В церкви, во время венчания, постилали молодым под ноги *камку* или *ковер*. При входе в дом каждый из молодых старался первым встать на *ковер*. Кто первым встанет, того будет власть. Это тоже связано с желанием покровительства священного животного, которого символизирует мех или ковер. Можно предположить, что данный обряд связан с культом животных, в частности с культом медведя – особо почитаемого у финно-угров. Поэтому молодых чаще всего сажали на шкуру медведя. Описывая обряд угощения родственников на свадьбе, Михаил Яковлевич пишет: «...отец невесты, взявши большой пирог со стола, оным касается жениха и невесты и их сажает обоих вместе. Этот обряд и у Мордвы, только с тем различием, что там отец женихов концом пирога поднимает у невесты покрывало, говоря: будь счастлива к хлебу, скотине, семье» [2, с. 90-91].

Интересно упоминание у М.Я. Диева о поклонении мерян языческим божествам в камне. Автор предполагает, что так чтили Велеса. Имя заимствовано у славянского божества, но Диев напоминает созвучное имя языческого праздника у мордвы: Вел-Осос. «Велес особенно почитался у народа Мери; в Ростове при Авраамин, апостоле стороны Ростовской, его чтили в камне, кой привидениями и другими чудесами на народ наводил ужас и тем его содержал в ослеплении. Такой же камень еще при Василии Иоанновиче Шуйском был в Переславле-Залесском и тогда его почитал народ, совершая ему празднество 29 июня и собирались к сему камню из всей окрестности Переславля. Почитаю не излишним заметить, что у нынешней Мордвы, потомков Ростовской Мери, переселившейся за Оку и смешавшейся с Мордвою, во время крещения земли Ростовской, доселе языческий праздник, совершаемый Мордовцами летом, называется Вел-Осос. У нас в 2 верстах от Нерехты под деревнею Иголкиной среди реки Нерехты есть странный камень, видом как бочка ведер в двадцать пять и как бы с насеченными обручами; простой народ рассказывает, что те, кои осмеливались пить воду близ этой бочки, впадали в сумасшествие. Этот камень на самой дороге,

где переезжают реку, и я молодой несколько раз проходил мимо его; не Велес ли наших Нерехтчан?» [2, с. 69-71].

Поклонение камням принято связывать с наследием финно-угорского народа меря. Обычно около этих камней что-то чудилось, находились клады, эти названия встречаются в легендах, фольклоре. Особенно знаменит Синий камень на берегу Плещеева озера, с ним связано множество легенд и сказаний. В 1997 г. «Синий камень» выявлен под Костромой и в северной части Рязанской области. У синих камней меряне устраивали сходы, моления, жертвоприношения (хлеб, плоды, ягоды). Это были своего рода святилища, как и родники, священные рощи и т. д. [6, с. 10-11]. По мнению И.И. Муллонен, синие камни являются локусом – эмблемой водяного, что позволяет видеть за ними «первобытные островки земли, вырастающие из первобытного хаоса» (мирового океана). Вспомним финно-угорские мифы о зарождении мира: утка разбила яйцо, рассыпавшаяся скорлупа символизировала зарождающуюся землю, первыми островками этой земли были синие камни. Не несут ли пограничные камни такой идеи упорядочения пространства, выделения своей освоенной территории и отделения ее от чужой непознанной? [7, с. 249].

В одном из писем И.М. Снегиреву можно прочесть об особо почитаемом в Нерехте празднике «Никольщине». Это празднование 19 декабря дня памяти Святителя Николая Чудотворца. В костромском крае Николай Чудотворец – это особо почитаемый святой: почти в каждом селе – престол, и уж конечно в каждой избе – икона. В православном акафисте Святителю Николаю и по сей день звучит о Чудотворце: «По земле путешествующим и по морю плавающим... посреди пучин добрый кормчий, утопающих известное хранилище, треволение морские управляющий» [8, с. 77]. Мы обнаруживаем явное указание на связь святого с морской пучиной и власть его над водным и подводным царством. Образ его по всей вероятности наложился на образ языческого бога Велеса, известного охотничьим финно-угорским народам. Именно ему, божеству близкому к нижнему миру, особо поклонялись, и именно он выполнял функции спасающего на воде, в пути, в болезни. В средневековых русских текстах Велес определяется в качестве

«скотьего бога» (есть мнение, что здесь слово скот содержит не нынешнее его значение, а понятие «богатство»). Б. Рыбаков объясняет связь Велеса с загробным миром, т. к. он был богом-медведем, покровителем охотничьего промысла, а поскольку охотник убивает дичь, то Велес стал олицетворять убитого зверя, затем смерть вообще и загробный мир. А. Голан возводит Велеса к Чернобогу. Видимо в связи с этим почитание Велеса сопровождалось плясками, песнями и особо винопитием. Черты этих представлений проявляются в праздновании Николина дня [9]. Известно, что на Никольщину устраивалась знаменитая складчина. Крестьяне всего села складываются, варят пиво, ставят всем миром в церкви свечу и правят молебен о ниспослании на них всех благ. После чего угощение поселян всего околodka брагой, пивом, пирогами. Остатки раздаются нищим. Никольщина красна пивом да пирогами. При обращении к анкетам, которые распространяли по Костромскому краю в 1920-х гг. члены Костромского научного общества по изучению местного края, становится очевидным, что праздник «Никольщины» распространен во многих районах Костромской земли [10]. При этом характерно унифицирование праздника, то есть Никольщина могла праздноваться и «по обещанию» в другие дни. В совершении христианского обряда памяти Святителя Николая в костромском крае можно обнаружить явные языческие мотивы. Православный молебен Святителю и панихида по умершим родителям перемежаются с языческими обрядовыми действиями жертвоприношения: собирают деньги на пиво Николаю Чудотворцу, подвязывают к потолку пивовара, чтоб тот отдал последний ушат пива. В письмах М.Я. Диева читаем: «...когда кто в семье не может, то таковой обещается по выздоровлении сделать Никольщину. Выздоровев, в своем околотке собирает Николе на пиво, которое там варит особый повар. Потом осенью около Николина дня назначается день праздника, о чем особо повещает в околотке и всех без изъятия приглашает праздновать Николе. Никольщина обыкновенно празднуется два дня, в первый, собравшись, гости, причем каждый хозяину приносит каравай, поют молебен Николаю Чудотворцу в церкви, где все гости молятся, потом другой ему на дому. Наконец

пируют до самой полуночи; гости ночуют до другого дня, если не могут поместиться в этом доме, то у соседей. На другой день поют панихиду по родителям, после чего опять начинается пиршество. После обеда пивовар говорит: «православные, не прогневайтесь, пиво уже все». Вот гости берут повара и вяжут, потом поднимают его к грядке, а иных домах к потолку, на что нарочно вделываются кольца. Тут пивовар просит помилования: «православные, смилуйтесь, спустите, последний ушат распою». Тогда вносит ушат пива и все сидят около него и пьют. После того гости расходятся в ожидании другой Никольщины, кои в околотке довольно многочисленны; иногда задается так, что недели три не прерываются Никольщины и гости переходят от одной к другой; часто случаются Никольщины две и три в одной деревне [2, с. 90].

В анкетах, которые рассылало Костромское научное общество, по изучению местного края на вопрос: «Устраивается ли братчина, например, «Никольщина»? мы встречаем, что Никольщину часто устраивали по обещанию, т. е. независимо от дня праздника. Респондент из деревни Григорова пишет: «Никольщина устраивается с переселением в новый дом, или же по обету» [10, № 349]. По количеству анкет, заполнявшихся в 1924 г., где отмечено празднование Никольщины, становится ясным, насколько была распространена Никольщина. Из 99 анкет в 87 указано, что Никольщину празднуют. Режут быка или корову, что обещали. Созывают родных и близких [10, № 1610]. Братчина устраивается, собирают по домам солод-хмель и варят брагу [10, № 359].

Важным фактом переписки являются размышления о елтонском наречии жителей города Галича. По мнению М. Диева, елтонский язык происходит из мерянского наречия. М.И. Диев, знаток местного края и практически носитель нерехтского диалекта, проживший всю жизнь в Костромском крае, изучавший галичскую землю, указывает на то обстоятельство, что возник алеманский язык на территории Галича Мерского, заселенного в прошлом финно-угорским племенем меря. Он пишет: «При переселении народа Мери из здешней стороны (т. е. Костромской губернии) за реку Оку в XII в. нельзя предполагать, чтобы из этого народа нико-

го уже не осталось на прежнем месте, в Костромской стороне. Доказательством этого неоспоримо могут служить названия мест в Костромской губернии, как городов, селений, рек, которые носят имена не славянского языка, а финского и других наречий, большей частью ныне непонятных, то есть для славян. Здесь жил совершенно другой народ. Дольше в Костромской и смежных с нею губерниях в народе употреблен язык, не похожий на славянский, или русский, оставшийся в народе таинственным. Под названием в Нерехте *Елтонского* (*елтын-* безмен: язык безменников); этому языку одолжены названия здешних городов: *Кострома*, (*костр*, *кострыга*, город; прибавьте к этому Мордовское *Мас*. Красивый, следовательно, Кострома значит красивый город), *Галича* (из слов: галь, многолюдный, обрусевшее *гиль*; например, доселе говорят «галь народа», то есть многолюдно. *Костр-галея* значит многолюдный город), *Кинешмы* (спокойная, красивая пристань; *кинешить*, приставать, спокойно стоять), *Луха* реки и города (*лох* по елтонски значит сосед, соседний), Олонецка (от слова *олоно*, давно, то есть старинный город). Ходячая монета в Костромской стороне зовется *раги*, что самое на древнем Финском значит деньги. На этом языке слово *шунга* значит песенник, песня. Следовательно, *Шунга*. Село в 8 верстах от города Костромы, означает селение песенников» [11, с. 174].

Приведем отрывок письма к И.М. Снегиреву, подтверждающий данную мысль: «При сем поставляю приятнейшим долгом препроводить пословицы и поговорки и елтанский денежный счет. Сие наречие употребительно между купцами и других губерний, именно, как могу знать, в Переславле, Угличе, Суздале, Шуе и в Галиче. Во Владимирской губернии оно известно под именем офенского, что означает язык разнощиков, ибо слово офени на елтанском языке значит разнощик, и да и название елтанский имеет почти одинаковое значение, потому что елтыш значит на сем наречии безмен или купеческие весы. Сие наречие, как называется в Галиче, сказать утвердительно не могу, кроме того что оно имеет в каждом городе изменение, так что Нерехтчанин в счете едва понимает Переславца и т. д. Не знаю, везде ли сходно сие наречие в названиях вещей упот-

ребляемых в общежитии. Сей язык употребляется не одними торгующими, но даже у плотников, которые называют предметы, известные в их кругу, своим именем, напр. дом они зовут хас, кровлю – кроторуль, окошко – сухоха, нож – жуль, полати – филони и т. д.». Отметим, что М. Диев предпринимает попытки подтверждения лингвистических характеристик мерянского населения этнографическими. «К доказательствам, что нравы нынешней Мордвы сходны с жителями Костромской, Ярославской и Владимирской губернии осмеливаюсь присоединить и то, что те и другие одинаковым почти образом отправляют поминки по своим сродникам. В родительскую Дмитриеву субботу Мордва собирается на свои кладбища с блинами и пивом, которые едят и пьют, сидя на могилах своих сродников; с малой почти разностию празднуется родительская суббота крестьянами около Галича, Буя и Макарьева, они приносят в церковь также блины, оладьи и опекушки, с коими выходят на могилы и над которыми священники совершают панихиду» [2, 24-25].

Таким образом, Михаил Яковлевич Диев стремится подчеркнуть родство двух финно-угорских народов меря и мордва при помощи сопоставления традиций, фольклора и языка.

1. *Кастальева Т.Б.* История жизни ученого протоиерея Михаила Диева, рассказанная им самим. М., 2008.
2. *Титов А.А.* Материалы для истории Императорского общества истории и древностей

Российских. Переписка гг. действительных членов общества. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к И.М. Снегиреву. 1830–1857. М., 1909.

3. *Диев М.Я.* Черты нравов и обычаев жителей Нерехтского уезда // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при М.У. М., 1846. № 2.
4. *Травкин П.Н.* Язычество древнерусской провинции. Малый город. Иваново, 2007.
5. *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1839. Вып. 4.
6. *Сазонов Л.* Мерянские «Синие камни» // Эрзянь Мастор. 2005. № 209. 16 нояб.
7. *Муллонен И.И., Шибанова Н.Л.* Заонежье как периферия топонимных ареалов Карелии // Рябиновские чтения-2007: материалы 5 научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007.
8. Православный молитвослов. М., 1995.
9. *Голан А.* Миф и символ (избранное) // Великая богиня. URL: <http://astrovic.ru/lib/golan.htm>. Загл. с экрана.
10. Коллекционная опись: Культ и народное сельское хозяйство. Народное верование. Хулиганство / Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 339. П. 2.
11. *Диев Михаил, протоиерей.* Какой народ населял в древние времена Костромскую сторону и что известно об этом народе? // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при М.У. М., 1865. Кн. IV.

Поступила в редакцию 6.07.2011 г.

UDC 94(470)

MIKHAIL YAKOVLEVICH DIEV OF FINNO-UGRIC ELEMENTS IN CULTURE OF KOSTROMA REGION

Sofya Gennadyevna SHARABARINA, Kostroma State University of Technology, Kostroma, Russian Federation, Post-graduate Student of Home History Department, e-mail: sonya9991@yandex.ru

The article analyzes the elements of the Finno-Ugric culture in Kostroma region. The articles and books of ethnographer Mikhail Yakovlevich Diev are used as a source. M.Y. Diev, being archpriest of Trinity Monastery in Nerekhta, studied the tradition and ethnography, collected folklore of Kostroma region. M.Y. Diev points on preserving the traditions of the ancient Finno-Ugric tribes Meria in the Kostroma region in the first printed work. Elements of the Finno-Ugric culture reflected in the correspondence of M.Y. Diev with I.M. Snegirev, who was secretary of the Moscow Society of Russian History and Antiquities are analyzed. Traditions for material wedding ceremony, celebration Nikolschina, the worship of pagan gods are examined. M.Y. Diev believes that the special language of the inhabitants of the city Galich of Kostroma region – elmansky arose from an ancient dialect Merya. In his works M.Y. Diev compared Merya traditions, folklore and language with Mordovian and wanted to show relationship of these people.

Key words: Finno-Ugric people; Merya tradition; wedding ceremony; Nikolschina, elmansky language.